

УДК 801.8: 81'42: 81'221: 81'374.73

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАНЖИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПЕРСОНАЖА

Копчак Марианна Николаевна

преподаватель

Львовский национальный университет им. И. Франко, Львов (Украина)

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Раскрыта сущность обращения, как этикетного оператора адресации, а также выделено семь основных групп лексико-семантического ранжирования обращения на основании анализа речевого поведения англоязычного постмодернистского персонажа в британском постколониальном романе.

Ключевые слова: обращение; персонаж; адресант; адресат.

LEXICAL AND SEMANTIC ARRANGEMENT OF THE ADDRESS OF ENGLISH-SPEAKING POSTMODERN CHARACTER

Kopchak Marianna Nikolayevna

lecturer

Ivan Franko National University of Lviv, Lviv (Ukraine)

Abstract. The essence of the address as a speech etiquette operator has been revealed. Seven basic groups of the address in their lexical and semantic arrangement have been distinguished on the basis of analyzing verbal behavior of English-speaking postmodern character in the British postcolonial novels.

Key words: address; character; addresser; addressee.

На современном этапе лингвистических исследований в русле антропоцентризма в центре внимания ученых оказывается индивид и его речевое поведение в коммуникации. Такой подход обуславливает актуальность изучения обращения, как первичного средства установления контакта с целью дальнейшего коммуникативного взаимодействия, а также определяет задания данной статьи – проанализировать речевое поведение англоязычного постмодернистского персонажа на основе текстов британского постколониального романа и раскрыть лексико-семантическое ранжирование обращения путем классификации основных групп операторов адресации.

Обращение – номинативный индексальный знак, что обеспечивает адресацию высказывания участнику коммуникативного акта, референцию к адресату, а также является средством регулирования межличностных отношений коммуникантов и демонстрации принадлежности к определенной социальной группе. Семантическая структура обращения включает следующие атомарные компоненты ситуации: адресат, как объект привлечения внимания; адресант как субъект такого действия; мотив как необходимость привлечь внимание; цель – установление контакта в выбранной тональности, а также тема события, которая раскрывается через значения гиперонима в синонимическом или тематическом ряду [1, с. 86-87]. Обращение – единица метакоммуникативного плана, то есть средство регулирования речевого взаимодействия в процессе общения, что выступает важной структурной и смысловой составляющей речевого акта, поскольку позволяет не только установить контакт, но и определить социальный, возрастной, гендерный статус коммуникантов.

Как существенный элемент речевого этикета, обращение свидетельствует о коммуникативной компетенции носителя языка, учитывая его умение выбирать соответствующий код и стиль для конкретной ситуации и деятельности [2, с. 124]. Правильно выбранная форма обращения настраивает на доброжелательность в отношениях, становится пре-

вентивной мерой, способной преодолеть психологическое напряжение [3, с. 108]. Однако современный речевой этикет постмодернистского персонажа как проявление его речевой деятельности свидетельствует о тенденции к языковому нивелированию [4], связанной с общей демократизацией общества, что приводит к снижению формальности, размытости норм, уменьшению социально-психологической дистанции и установке непринужденности в общении.

Проанализировав речевое поведение постмодернистского персонажа в синергии текста и дискурса литературы постколониализма, мы выделили семь основных лексико-семантических групп обращения, содержащих как традиционные, классические этикетные варианты адресации, так и новые девиантные операторы, обусловленные этническим происхождением постколониального персонажа и заимствованные из его родного языка. Последние выступают маркерами гибридности персонажа и его принадлежности к культурным плоскостям ориентального и оксидентального миров.

Наиболее часто применяемыми выступают операторы адресации с номинативной семантикой имени собственного, а именно имена, фамилии или прозвища, обеспечивающие индивидуализацию адресата и идентификацию его личности с помощью полных и множества деривативных форм, что концептуализирует человека как уникальный организм [5, с.197]. На современном этапе коммуникации в обращениях по имени нивелируются возрастные факторы. На первый план выходит именно ориентация на адресата, а отсюда вариативность форм обращения и парадигматика имени, с учетом близости или дистантности отношений между коммуникантами. Примером может послужить контекстуальный фрагмент из современного постмодернистского текста, где адресанты по-разному обращаются к тому же адресату: внук называет бабушку по имени, зять тещу – по имени или прозвищу, невеста внука – по имени и фамилии, и только соседи – почтительно по фамилии с *Mrs* в препозиции:

Nana was Gabriel's maternal grandmother. She lived with his father now. Phyllis Henrietta Josephine Higson. Gabe called her Nana. Dad called her Phyllis, or, in the old days, 'the shapelifter', but only behind her back. The neighbours still called her Mrs Higson, even after twenty years. Only Charlie referred to her as Nana Higson, and she had not met her yet [7, p. 43].

Употребление формы обращения по имени и фамилии окказионально возможно и между коммуникантами в очень близких отношениях с целью придать высказыванию большей формальности, официоза, серьезности, или достичь комического эффекта при сочетании формального оператора адресации и поверхностной несерьезной темы сообщения, как в примере, где адресантом выступает невеста, которая только что получила предложение руки и сердца, а адресатом – ее потенциальный муж:

'Gabriel Lightfoot,' said Charlie, crossing her arms and tossing her flaming hair. 'Now that we're to be wed you're not going to come out of the closet as a secret philistine?' 'No way,' said Gabriel, 'I'm as cultured as they come' [7, p. 283].

В постколониальном постмодернистском тексте семантика обращений по имени прежде всего определяется этническим происхождением персонажа, а отсюда употребление в обращениях таких национально-окрашенных имен, как *Nazneen, Chanu, Razia, Hasina, Karim, Raqib, Shanana, Oona, Suleiman, Arshad, Samad* [6-11] и других. Стоит отметить, что в отличие от чисто английских имен, существующих в редуцированных формах (например: *Gabriel / Gabe, Jane / Jenny / Jen, Edward / Ed, Howard / Howie, Archibald / Archi / Arch* и т.д.), имена выходцев из колонизированных народов не сокращаются и не допускают обыгрывания или адаптации к английскому варианту произношения. Такие попытки со стороны адресанта могут вызвать неприятие, обиду и даже задеть чувство национального достоинства. Это иллюстрирует следующий коммуникативный блок, в котором постколониальный персонаж настаивает на подлинности

обращения по имени, не принимая никаких англизированных или редуцированных форм даже в общении с приятелем:

'Sam? Sam? You do not look right, Sam. Please, they'll be here in a minute ... Sam?' 'Do not call me Sam,' he growled in a voice Archie did not recognize. 'I am not one of your English mate-boys. My name is Samad Miah Iqbal. Not Sam. Not Sammy. And not – God forbid – Samuel. It is Samad'[11].

Следующая группа – обращения с семантикой родства, среди которых в постмодернистском тексте литературы постколониализма преобладают не традиционные английские *Father / Dad, Mother / Mom / Mommy*, а национально-специфические обращения *Abba* и *Amma*, что функционируют в большинстве языков индоевропейской семьи на обозначение отца и матери. В ситуациях общения между дальнейшими родственниками по линии родителей постколониальный персонаж также прибегает к типичному национально-окрашенному обращению *tamu*, что приравнивается к английскому *uncle*, однако не является полным эквивалентом, поскольку семантика этой единицы более конкретизирована на определение именно брата матери, а не отца. Обычно такое семейное обращение сочетается с адресацией по имени, но структурно занимает постпозицию к нему, в отличие от приемлемой в английском языке препозиции. Одновременно производное от *tamu* обращение *tumani* употребляется при адресации к жене маминого брата, то есть тети по линии матери:

Her eyes were brimming with tears. 'So you know what he is writing now? About ...' she looked as if her heart would break... 'the Ordinary Life of a Pickle Factory!' 'Shh, mumani, shh,' I beg, 'Hanif mamu will hear!' [9, p. 242].

Типичной лексической единицей адресанта-мужчины при обращении к жене выступает не имя или его сокращенные вариации, а собственно *wife* с намеком на функциональную природу жены и обязанность повиноваться мужу. Жена же проявляет покорность в наиболее типичном обращении *husband*, что может дополняться эмоционально-

окрашенным обращением *janum* с проявлением любви и покорности к своей второй половинке:

Amina interrupts. 'Pay whom? Pay what? Husband, janum, life of mine, what is happening here?'... But 'We must go,' S. P. Butt says, and Ahmed Sinai is leaving... [9, p. 72].

Важной характеристикой речевого поведения персонажа в постколониальном романе выступает существенная десемантизация обращений с семантикой родства, что эксплицируются в ряде контекстуальных блоков, где адресантом сообщения выступают не кровные родственники, а взамен соседи, незнакомцы, малознакомые лица. Такая адресация является отражением культуры коллективизма, присущего колонизированным народам, с ее исторически сложившимся низким уровнем горизонтальной дистанции между членами общества, где преобладают интересы группы (семьи, племени, рода, коллектива), «мы» стоит выше, чем «я», групповые цели важнее индивидуальных достижений. Десемантизированные родственные обращения имеют цель пробудить патриотическое сознание угнетенных веками выходцев из колонизированных культур, уменьшить коммуникативную и социальную дистанцию, заангажировать, склонить на свою сторону, объединить общей идеей:

'Brothers and sisters,' said Karim. 'It's good to see so many of us – united in our stand against those scummy people who dare to come round here and slander our religion' [6, p. 413].

Среди следующей группы обращений с семантикой почтительности наблюдаются конвенционные этикетные вокативы *sir / mister* и *madam*, с помощью которых определяются ролевые позиции партнеров, подчеркивается высокий статус адресата, а также девиантные национально-окрашенные обращения к малознакомым адресатам, например *sahib* вместо *sir*, лексическая единица арабского происхождения, что в колониальные времена использовалась индейцами при обращении к европейским джентльменам; *maharaj* (мн. *maharajin*), происхождение которо-

го достигает времен санскрита (*'great king'*) и используется в постколониальном дискурсе для обозначения огромного уважения к адресату; *begum* и *sahiba*, что соответствуют типичному английскому *Mrs.* при обращении к женщине, например:

A white man stretches out a raggedy hand and says in a voice like a high foreign song, 'Give something, Begum Sahiba' [9, p.81].

Типология обращений с семантикой профессии или титула ограничивается сферами образования, медицины, военного дела, ресторанного бизнеса. Такие операторы адресации не являются широко распространенным в этикете современного постмодернистского персонажа, но достаточно стандартизированы при определенных условиях общения и типе отношений между коммуникантами, эксплицируя статусную дифференциацию и асимметричность. Студенты, как правило, обращаются к преподавателям с указанием титула и фамилии, например *Dr Belsey*, *Dr Malcolm* или просто университетской должности *Professor*. Однако, в неформальной обстановке общения, вне учебного заведения, студент может обратиться к преподавателю по имени и фамилии или только по имени при минимизации асимметричности отношений:

Howard Belsey? Victoria flipped round on the bed and knelt up [9, p. 548].

В других профессиональных сферах обращение к титулу или должности эксплицирует вертикальную дистанцию с оттенком высокомерия, отражая превосходство в отношении адресанта к адресату:

M. Dupont was a tall, elegant gentleman with a grey beard and a monocle. He had obtained some painful sores on his feet while sightseeing, ... Butler! I am in need of more bandages' [8, p. 91].

При изучении группы обращений с семантикой гендера (*boy, girl, man*), самым распространенным является апеллатив *man*, используемый в основном среди молодежи с целью установления контакта, сближения и сокращения психологической дистанции. Однако в современном постмодернистском дискурсе это обращение используется при адреса-

ции как к мужчинам, так и женщинам, и даже к родителям, что свидетельствует о нивелировании возрастно-статусных отличий и его десемантизации в коммуникации:

He gave his son a friendly squeeze on the shoulders and pulled him close. 'Are you going to work today? You make me laugh, man,' said Levi quietly, his lips buzzing Howard's skin through his shirt [10, p. 47].

Превалирующие в неформальном общении, тяготеющему к симметричности взаимоотношений между коммуникантами, такие апеллятивы вытесняют номинативные обращения по имени, обеспечивая своеобразную безликость общения и размывая личностно-ориентированный стиль коммуникации. Семантика гендера также эксплицируется в конвенционном обращении к групповому адресату *ladies and gentlemen*, которое в постколониальном романе актуализируется в видоизмененной форме с учетом национальной культуры и родного языка постколониального персонажа, превращаясь в гибридную единицу *ladies and ladahs* [9].

Обращения с семантикой возраста, в частности *child, kid, baby* актуализируются между коммуникантами разного возраста, где, как правило, старший по возрасту адресант апеллирует к младшему адресату, при этом нивелируя гендерные и статусные различия. Так обращаются друг к другу влюбленные, друзья, родители к детям, подростки в своем окружении, коллеги по работе. Обращение *baby* нивелирует даже гендерную дифференциацию, поскольку ситуативно возможно даже между мужчинами, однако с оттенком иронии, шутки, с целью разрядить напряженную психологическую обстановку:

The silence hung about like a bad smell, until Victor broke wind. He went over to Suleiman and burped into his ear. 'In Moldova this is the sign of love. Am I correct?' 'Too right, baby,' said Victor, attempting to grab Suleiman [7, p. 83].

Отдельный пласт единиц адресации составляют эмоционально-окрашенные ласкательные обращения, среди которых можно выделить *dear(s), dearie, darlin(g), dearest, honey, sweetheart, love*, однако они зна-

чительно десемантизировались и уже не несут исключительно эмоциональной нагрузки на заверение особого отношения к адресату, его исключительности, теплоты или близости в отношениях. В постмодернистском дискурсе такие обращения типичны не только между знакомыми и близкими, но также между начальниками и подчиненными или совсем незнакомыми коммуникантами без оттенка флирта. Например, именно так обращаются к хозяйке сантехники, прибывшие по вызову:

Two workmen blundered along to fix the toilet. 'How long's it been broken, darlin'?' She told them. 'That's the council for you, darlin.' They poked around a bit and then cleared off. Got yourself a problem there, sweetheart. Shouldn't'a left it so long' [6, p. 386].

Неформальные просторечные обращения с семантикой дружественного обращения вроде *lad / guy / folks, mate, chap, buddy, fellow* призваны уменьшить социально-психологическую дистанцию между коммуникантами, установить близкий контакт, влиться в коллектив, персонализировать отношения, обычно в неформальной ситуации общения, между знакомыми и незнакомыми, одного или разного возраста, постепенно расширяя сферу употребления. Например, кроме функционирования в трех основных значениях как форма обращения к близкому другу, компаньону по работе или незнакомому юноше, обращение *buddy* обретает новое звучание в общении родственников, в частности матери к взрослому сыну на заверение возможности общаться на равных, как друзья, а не только с позиции авторитета 'родители-дети':

'Hey, Mom,' said Jerome sleepily, poking his head round the doorframe. 'What's going on?' 'You. You're going out, buddy. That's your stuff in the hallway' [10, p. 752].

Таким образом, проведенное исследование речевого поведения персонажа в синергии текста и дискурса постмодернизма на примере британского постколониального романа ярко демонстрирует общую современную тенденцию к нивелированию конвенционными этикетными

формами, их десемантизации и внедрению национально-окрашенных элементов, а также стремление к демократизации и равенству в отношениях, минимизацию горизонтальной и вертикальной дистанции между коммуникантами.

Список использованных источников

1. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
2. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели. Методы. Проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 318 с.
3. Дорофеева И.В. Английское обращение в системе языка и в дискурсе: дис. ...канд. филол. наук. Тверь, 2005. 148 с.
4. Оликова М.А. Обращение в современном английском языке (опыт структурно-семантического и социологического анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1973. 16 с.
5. Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура, Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 89-192.
6. Ali M. Brick Lane. London, Black Swan, 2004. 492 p.
7. Ali M. In the Kitchen. London, Black Swan, 2010. 553 p.
8. Ishiguro K. The Remains of the Day. London, Boston, 1989. 245 p.
9. Rushdie S. Midnight's Children. Vintage, 1995. 463 p.
10. Smith Z. On Beauty. Waterville, Thorndike Press, 2005. 789 p.
11. Smith Z. White Teeth. London, Hamish Hamilton, 2000. 480 p.